

КРОВЬ ВАМПИРА

СЕРГЕЙ ПАТРУШЕВ

Сергей Патрушев

Кровь вампира

«Автор»

2026

Патрушев С.

Кровь вампира / С. Патрушев — «Автор», 2026

Марк по кличке Гемоглобин - перекуп, сбывающий элите редчайший наркотик: вампирскую кровь. Он не верит в легенды, пока однажды клиент, получив дозу, не умирает в конвульсиях, чтобы воскреснуть совершенно иным существом. Партия отравлена, и это не случайность, а продуманная диверсия. Заражённая кровь превращает людей в чудовищных Химер, а вампиров лишает бессмертия. В городе начинается скрытая война. Древний Первородный клан требует найти виновного и угрожает уничтожить всю семью Марка. Фанатики-охотники из Братства Белой Лозы готовы истребить и вампиров, и всех, кто с ними связан. А в тени действует алхимик в маске - бессмертный жрец запрещённой секты, вознамерившийся стереть вампирский род с лица земли. Марк оказывается меж трёх огней. Чтобы выжить и спасти близких, ему придётся стать тем, кого он сам всегда боялся. Но у всего есть цена, и с каждым шагом он теряет не только человечность, но и саму душу.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Доза на закате	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Патрушев

Кровь вампира

Глава 1. Доза на закате

Закат в этом городе всегда был грязным. Солнце не опускалось за горизонт с благородной медлительностью уставшего светила, завершающего свой дневной путь; оно словно проваливалось в смог, размазывая по небу гематомы всех оттенков синего, багрового и гнойно-желтого. Марк ненавидел это время суток не за его эстетическую убогость, а за то пограничное, лиминальное состояние, которое оно символизировало. Закат был щелью между мирами, моментом, когда дневные хищники уже убрались в свои офисы и пентхаусы, а ночные еще не вышли на охоту. В этот час он всегда чувствовал себя особенно уязвимым, словно стоял на нейтральной полосе без оружия в руках, хотя оружие — холодный, надежный «Зиг Зауэр» — всегда было при нем.

Он стоял у панорамного окна своей квартиры-студии, больше похожей на операционный кабинет или стерильный отсек космической станции, и смотрел, как последний луч цвета запекшейся крови исчезает за рваной линией многоэтажек. Квартира располагалась на двадцать третьем этаже безликой стеклянной башни в деловом районе, который после семи вечера вымирал, оставляя залитые неонам пустые тротуары и кондиционированный воздух, пахнувший только пылью от ковровых покрытий и озоном от бесчисленных гаджетов. Соседей Марк не знал и не стремился узнать. Его профессия не располагала к светским беседам у лифта. Перекуп. Само это слово вызывало у него смешанные чувства. С одной стороны, оно звучало почти как «предприниматель», «логист», «специалист по связям с элитной клиентурой». С другой — в нем слышался отчетливый звон наручников и скрежет ключа в замке камеры. Марк был перекупом самого высокого полета: его товаром была не просто запрещенная субстанция, а вещество, само существование которого отрицалось официальной наукой, церковью и здравым смыслом. Он торговал кровью. Не обычной, человеческой, а той, что текла в жилах существ, которых принято было считать вымыслом досужих беллетристов, но которые, как Марк знал доподлинно, ходили по тем же улицам, дышали тем же отравленным воздухом и имели свои собственные, очень веские причины оставаться в тени. V-кровь. «Искра». «Рубин». «Нектар». У нее было много имен, придуманных для того, чтобы клиент мог обманывать сам себя, называя покупку смертельной дозы частью некоего эзотерического опыта, а не банальным актом суицидального наркопотребления.

Марк отошел от окна. Его босые ноги бесшумно ступили по холодному бетонному полу. В студии пахло антисептиком, озоном от бесчисленных зарядных устройств и криптокошельков, разбросанных по столам, и едва уловимым, сладковато-металлическим душком, который не могла вытравить никакая вытяжка. Этот запах вьелся в стены, в одежду, в саму душу Марка. Он был оборотной стороной больших денег, той ценой, которую он платил не кошельком, а обоянием, нервной системой и, наверное, бессмертной душой, если таковая имелась. Он подошел к рабочему столу — длинной плите из хирургической стали, на которой в педантичном, почти маниакальном порядке были разложены инструменты его ремесла. Каждая вещь знала свое место. Микроцентрифуга, способная раскрутить образец до ста тысяч оборотов в минуту, чтобы отделить плазму от тех компонентов, которые никогда не должны были смешиваться. Спектрофотометр, настроенный на анализ одной-единственной молекулярной структуры —

той самой, что отличала V-кровь от любой другой органической жидкости на планете. Штатив с пробирками из кварцевого стекла, каждая из которых стоила как месячная аренда этой квартиры, но без которых любой контакт товара с обычным стеклом приводил к его немедленной деградации и превращению в бесполезную черную слизь. И главное — переносной криогенный контейнер, похожий на обтекаемый снаряд или миниатюрный саркофаг, изготовленный из титанового сплава и покрытый слоем вакуумной изоляции. Внутри, в вечной темноте при температуре минус сто девяносто шесть градусов, покоились они. Пять ампул. Каждая — оплаченный год безбедной жизни где-нибудь на островах, подальше от этого грязного неба и этих опасных улиц. Каждая — потенциальный смертный приговор, если хоть на секунду забыть, с чем имеешь дело.

Марк провел ладонью по холодной поверхности контейнера, ощущая легкую вибрацию — работал криогенный насос. Он подумал о том, сколько людей умерло ради этих пяти ампул. Не только тех, кто принял дозу и не справился с ней, хотя таких были десятки, если не сотни. Но и тех, у кого эту кровь забрали. Потому что добровольно ни один вампир, даже самый отчаявшийся, не отдаст часть своей жизненной силы. Источником его товара была боль, страх и медленное, методичное истощение пленников, которых содержали где-то глубоко в подземельях те, на кого работал Марк. Он никогда не спускался туда. Он знал свое место в пищевой цепочке: он был дистрибьютором, не производителем. Его задачей было не задавать вопросы, а обеспечивать безопасную и прибыльную доставку конечному потребителю. И все же иногда, поздно ночью, когда бессонница сжимала горло своей костлявой рукой, он представлял себе этих пленников. Представлял их глаза, полные вечной, неутолимой жажды, и их заточенные в титановые катетеры вены, из которых капля за каплей сочится густая, черно-рубиновая субстанция. От этих мыслей ему становилось физически плохо, но он никогда не пытался их заглушить алкоголем или чем-то потяжелее. Это было его личной формой покаяния. Самоистязанием, которое позволяло ему считать себя не конченым мерзавцем, а просто человеком, попавшим в безвыходную ситуацию.

Впрочем, ситуация не была безвыходной. Он был здесь по собственной воле. Три года назад, когда его, молодого и амбициозного биохимика, выперли из фармацевтической корпорации за «нарушение этических протоколов», он мог бы найти другую работу. Преподавать в каком-нибудь захудалом колледже, мыть пробирки в государственной лаборатории, переквалифицироваться в айтишники, в конце концов. Но ему предложили этот путь. Вернее, он сам его нашел, ухватившись за слух, который витал в даркнет-сообществах, посвященных трансгуманизму и биохакерству. Слух о том, что вампиры реальны. И что их кровь, правильно обработанная и стабилизированная, может даровать человеку нечто, выходящее за пределы обычного наркотического опыта. Временное, иллюзорное бессмертие, упакованное в ампулу. Марк потратил год на то, чтобы найти поставщиков, разработать протоколы безопасности и рекомендовать себя как надежного и хладнокровного партнера. И теперь он был здесь, на двадцать третьем этаже, с пятью ампулами в криогенном саркофаге и с постоянно растущим счетом в швейцарском банке. Он сам выбрал эту жизнь. И сам будет отвечать за последствия.

Его знали в узких кругах как Гемоглобина. Кличка была дурацкой, почти детской, прилипшей после одной неудачной шутки, которую он отпустил при первой встрече с крупным дилером. Но, как это часто бывает в криминальном мире, чем нелепее прозвище, тем прочнее оно прирастает к носителю. «Гемоглобин» точно отражал и суть его бизнеса, и ту брезгливую отстраненность, с которой к нему относились даже самые отпетые клиенты. Он был необходим, но его не уважали. Он был ключом к самому эксклюзивному удовольствию в мире, но его сторонились, как прокаженного. Отчасти это было ему на руку. Чем меньше люди хотели

находиться рядом с ним, тем меньше шансов было на предательство или случайную утечку информации. Его бизнес строился не на доверии, а на страхе и точном расчете.

Сегодняшняя сделка была назначена на старой кожевенной фабрике в промышленном районе, который местные называли Котлом. Место — классика жанра, локация, словно сошедшая со страниц дешевого криминального романа: заброшенные цеха, ржавые конструкции, крысы размером с небольших собак и эхо, разносящее любой звук на километр. Но клиент выбрал его сам, и это Марк сильно напрягало. Обычно локацию назначал он, руководствуясь тщательно разработанным протоколом. У него было двенадцать проверенных «гнезд» в разных районах города: от подземной парковки торгового центра, где камеры слежения можно было временно взломать, до частного бункера времен Холодной войны, оборудованного системой экстренного затопления. Каждая точка имела как минимум три пути отхода, зону обзора, позволяющую заметить приближение противника, и скрытые «сюрпризы» для незваных гостей. Марк был параноиком, но его паранойя была профессиональным инструментом, отточенным годами работы в тени.

Но этот клиент, некто Анджей, настоял на своем. Их общение происходило через цепочку прокси-серверов и зашифрованных сообщений, которые самоуничтожались после прочтения. Анджей говорил мало, по делу и с какой-то странной, гипнотической убедительностью. Его первое сообщение было лаконичным: «Я знаю, кто ты. Мне нужна одна ампула. Я заплачу вдвое больше твоего обычного прайса. Место встречи — кожевенная фабрика в Котле, сегодня на закате. Время не обсуждается». Марк тогда долго смотрел на экран, чувствуя, как холодок пробегает по спине. Вдвое больше. Это было очень много. Слишком много для обычного клиента. За эти деньги можно было купить не только год безбедной жизни, но и новую личность, билеты в любую точку мира и исчезнуть навсегда. Жадность, как всегда, вступила в схватку с осторожностью. Жадность использовала весомые аргументы: у него на руках скопилось пять ампул, и их нужно было сбыть как можно скорее, так как срок годности, несмотря на криогенную заморозку, был ограничен. V-кровь была нестабильна, она деградировала, теряла свою «искру», превращаясь в бесполезный, хотя и по-прежнему ядовитый, органический раствор. Осторожность шипела ему в ухо о том, что Анджей вышел на него не через обычные каналы, что он знает слишком много, и что его настойчивость в выборе места — это красный флаг размером с футбольное поле. Но жадность, как обычно, победила. Марк согласился, успокоив себя тем, что тщательно подготовится, изучит фабрику по спутниковым снимкам, прибудет за час до встречи и заминирует все подходы датчиками движения.

Он надел легкий бронежилет из кевларового волокна, скрытый под свободной черной толстовкой с капюшоном. Бронежилет не спас бы от прямого выстрела из винтовки, но от ножа или пистолетной пули среднего калибра защищал надежно. Марк не ожидал, что Анджей придет с тяжелым вооружением, но привычка носить броню уже стала частью его ритуала, как утренний кофе или проверка боекомплекта. Он проверил «Зиг Зауэр» — девятнадцать патронов в магазине, один в патроннике, предохранитель работает плавно, без заеданий. Он не был ганфайтером-виртуозом, но на полигоне проводил по два часа каждую неделю, доводя базовые навыки до автоматизма. В его деле пистолет был не столько оружием нападения, сколько страховым полисом, последним аргументом в споре, который пошел не по плану. Ампулу с «искрой» он поместил в специальный термос-пенал, похожий на футуристический термос для супа, но способный поддерживать криогенную температуру не дольше часа. Этого было достаточно для сделки, но не более. Его работа требовала точности во всем, в том числе и во времени.

В отличие от своего стерильного жилища, Марк тщательно культивировал образ небрежного тусовщика, когда выходил в мир. Внешность у него была подходящая для этой роли: худощавый, бледный, с темными кругами под глазами, которые он не маскировал, а, наоборот, подчеркивал отсутствием сна и скудным питанием. Он одевался в черное, носил винтажные кеды и серебряное кольцо в виде черепа на указательном пальце. Все это было маскировкой, призванной убедить случайных свидетелей в том, что перед ними очередной безобидный представитель ночной богемы. Никто не заподозрит в хипстере-неформале человека, чей рюкзак стоит больше, чем элитный автомобиль, и содержит вещество, способное изменить биологическую природу человека.

Фабрика встретила его запахом плесени, старой кожи и химических дубильных веществ, которые, казалось, пропитали само время, застыв в воздухе густым, тошнотворным коктейлем. Марк остановился у входа, вдыхая эту смесь и анализируя ее компоненты, как привык анализировать все. Фенол, формальдегид, аммиак, и что-то еще, более древнее и органическое, напоминающее запах гниющей плоти. Сквозь разбитые окна цеха, зияющие пустыми глазницами без стекол, лился лунный свет, расчерчивая пространство косыми, пыльными колоннами, в которых танцевали мириады частиц. Эхо его шагов по бетонному крошеву, усыпанному осколками стекла и ржавыми болтами, разносилось под высокими сводами, многократно усиленное, создавая иллюзию, что рядом идет кто-то еще, невидимый и злоеший.

Он пришел за сорок минут до назначенного времени и успел обследовать каждый уголок основного цеха. Огромное помещение было разделено ржавыми металлическими конструкциями, на которых когда-то висели шкуры. В дальнем конце темнели чаны для дубления, наполненные загустевшей, почерневшей жижой, издающей едкий химический запах. Марк установил три миниатюрных датчика движения на ключевых точках и подключил их к своему смартфону. Теперь он мог видеть тепловые сигнатуры любого, кто приблизится к месту встречи. Пока что все было чисто. Только крысы, чьи крошечные тепловые точки мелькали на экране, нарушали безмолвие промышленного склепа.

Ровно в назначенный час в центре огромного пустого зала зажглась одинокая газоразрядная лампа на переноске. Она вспыхнула резко, залив все вокруг мертвенным, жужжащим белым светом, который делал цвета плоскими, а тени — неестественно черными. Марк вздрогнул. Он не заметил, как Анджей вошел. Тепловые датчики не зафиксировали движения. Это было невозможно. Либо датчики барахлили, либо Анджей каким-то образом знал, как их обойти. И то, и другое было плохим знаком. Марк мысленно выругал себя за то, что понадеялся на технику, а не на собственные инстинкты.

Под лампой стоял человек. Анджей. Он не выглядел как типичный клиент Марка. Обычно за «искрой» приходили представители трех четко очерченных категорий. Первая — золотая молодежь, дети олигархов и политиков, пресыщенные всеми мыслимыми удовольствиями до такой степени, что обычные наркотики вызывали у них лишь зевоту. Они искали новый, неповторимый опыт, который можно было бы описать в своих закрытых блогах, используя эзотерическую терминологию. Вторая — стареющие эстеты, художники, музыканты, писатели, которые чувствовали, как творческая искра угасает вместе с молодостью, и отчаянно пытались урвать у времени еще кусочек вдохновения, еще одну вспышку гениальности, пусть даже ценой медленного угасания. Третья — откровенные психопаты и авантюристы, которым было плевать на последствия; они просто хотели почувствовать себя богами на полчаса, ощутить власть над реальностью, которую давала V-кровь.

Анджей не принадлежал ни к одной из этих категорий. Он был из породы незаметных. Серое пальто из дешевого сукна, мятые брюки с пузырями на коленях, туфли, давно не видевшие гуталина. Лицо бухгалтера или мелкого клерка, того типа людей, которые проводят жизнь в полутемных кабинетах, склонившись над бесконечными ведомостями, и чье самое большое приключение — это пропущенный обед. На лице застыло выражение вечной, немного усталой озабоченности, словно он только что вышел из офиса после тяжелого дня и теперь решал, купить ли молоко по дороге домой. Но что-то в этом лице было не так. Некая асимметрия, неправильность, которую Марк не мог уловить сознанием, но которая заставляла его внутреннего зверя, того самого, что отвечал за инстинкт самосохранения, тревожно скалить зубы.

Единственное, что выбивалось из образа — его глаза. Они были слишком спокойными. Слишком трезвыми. Так смотрят не люди, собирающиеся получить дозу удовольствия или забвения. Так смотрят люди, которые уже приняли самое страшное решение в своей жизни, перешли точку невозврата и теперь плывут по течению к неизбежному финалу с ледяным, почти нечеловеческим хладнокровием. В этих глазах не было ни страха, ни надежды, ни вождения. В них была только уверенность. Абсолютная, неколебимая уверенность в том, что все идет по его плану.

— Товар при тебе? — голос Анджея был тихим и шелестящим, словно он привык разговаривать в помещениях, где нельзя шуметь: в библиотеках, в моргах, в склепах. Этот голос не соответствовал его внешности. Он был слишком... старым? Нет, не старым. Древним. Как шелест страниц в заброшенном архиве.

— Деньги? — в тон ему ответил Марк, останавливаясь в десяти метрах. Ближе подходить без крайней необходимости он не любил. Дистанция в десять метров была его зоной комфорта. Она давала достаточно времени, чтобы среагировать на внезапное движение, выхватить пистолет и прицелиться. Анджей, казалось, понимал это и не делал попыток сократить расстояние, что тоже было нетипично. Обычные клиенты нервничали, переминались с ноги на ногу, пытались приблизиться, чтобы поскорее завладеть вожделенной ампулой. Анджей стоял как вкопанный.

Анджей медленно, без резких движений, поднял с пола небольшой алюминиевый кейс, который Марк поначалу не заметил — настолько тот сливался с серым бетоном. Кейс был старым, потертым, с многочисленными царапинами и вмятинами. Никаких брендов, никаких опознавательных знаков. Анджей открыл его и показал содержимое Марку. Внутри, подсвеченная мертвым светом лампы, лежали аккуратные пачки евро, перетянутые банковскими лентами. Купюры были старыми, бывшими в употреблении, не серийными. Именно такие деньги любил Марк: их невозможно было отследить, они не пахли типографской краской и не светились под ультрафиолетом, как новенькие банкноты.

Марк знал, что это не фальшивка, но не полагался на интуицию в вопросах, касающихся денег. За годы работы у него выработалось чутье на подделку, своего рода профессиональная интуиция, но он предпочитал доверять технике. Он достал из кармана портативный детектор валют и счетчик, больше похожий на смартфон в ударопрочном корпусе, и кивнул Анджею. Тот, поняв без лишних слов, бросил кейс по полу. Он проскользил по бетонной крошке, издавая неприятный скрежещущий звук, и остановился у самых ног Марка. Правила игры соблюдались неукоснительно. Никаких передач из рук в руки. Никаких прикосновений. Минимальный физический контакт, максимальная дистанция.

Пока автоматика шуршала, пересчитывая купюры и просвечивая их в нескольких спектрах — ультрафиолетовом, инфракрасном, магнитном — Марк внимательно изучал клиента. Что-то было не так. Он это чувствовал каждой клеточкой своего тела, но не мог сформулировать. Анджей не переминался с ноги на нетерпеливый манер наркомана, предвкушающего дозу. Он не оглядывался нервно, не вздрагивал от каждого шороха, не потел, не облизывал пересохшие губы. У него не было ни одного из тех классических признаков аддиктивного поведения, которые Марк привык наблюдать у своих клиентов. Вместо этого он просто стоял и ждал, сунув руки в карманы пальто. Его поза была расслабленной, почти скучающей. Это спокойствие было неправильным, неестественным. Оно напоминало Марку не смирение, а, скорее, собранность хищника перед броском. Так ждет змея, свернувшаяся кольцами в засаде. Так ждет паук в центре своей паутины, ощущая малейшую вибрацию нитей. Анджей ждал. Но не ампулу. Он ждал чего-то другого.

Детектор пиликнул, выводя на экран результат: сумма точная, купюры подлинные. Марк выдохнул, сам не заметив, что задерживал дыхание. Профессиональная жадность на время притупила тревогу, заглушила внутренний голос, который продолжал нашептывать ему об опасности. Он убрал кейс в свой рюкзак, ощутив приятную тяжесть. Двойной гонорар. Это был его самый прибыльный заказ за последние полгода.

— Чисто, — констатировал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно и нейтрально. — Теперь я показываю товар.

Он извлек из внутреннего кармана толстовки термос-пенал и, медленно, демонстративно, чтобы клиент видел каждое его движение, открутил герметичную крышку. Изнутри вырвалось легкое облачко холодного пара, которое тут же растаяло в теплом воздухе цеха. В свете лампы блеснула ампула. Она была не стеклянной, а сделанной из цельного сапфира — синтезированного корунда высшей чистоты. Это была не прихоть и не показная роскошь, а жестокая необходимость. V-кровь, будучи субстанцией, не подчиняющейся обычным законам химии, обладала чудовищной коррозионной активностью. Она разъедала любой другой материал, кроме кварца и благородных корундов. Обычное стекло она превращала в черную, дымящуюся слизь за считанные секунды. Пластик испаряла с токсичными парами. Даже хирургическая сталь покрывалась язвами и крошилась. Только сапфир, с его совершенной кристаллической решеткой, мог удержать эту субстанцию, не вступая с ней в реакцию.

Жидкость внутри ампулы не была похожа на обычную кровь. Марк видел много крови за свою жизнь: и человеческую, и животную, и ту, что сочилась из пленников его хозяев. Но V-кровь была иной. Она была гуще, плотнее, словно ртуть, смешанная с черной патокой, и, казалось, генерировала свой собственный, внутренний свет. Это была не красная, а скорее черно-рубиновая субстанция, цвета запекшейся крови, увиденной в темноте. Но самое поразительное заключалось в другом: внутри ампулы, в этой густой, маслянистой жидкости, медленно, лениво пульсировали золотистые искры. Они двигались по спирали, сталкивались, разделялись, образовывали причудливые узоры, напоминающие то ли письменность неведомого языка, то ли схемы галактик. Это было гипнотическое зрелище. Марк видел его сотни раз, но все равно каждый раз чувствовал, как по спине пробегает холодок иррационального, первобытного ужаса. В этих искрах было что-то глубоко чуждое, нечеловеческое. Что-то, что не подчинялось законам биологии, физики и здравого смысла. Что-то живое и одновременно мертвое, как вирус, застывший на границе между материей и информацией.

Анджей впервые за все время встречи проявил эмоцию. Его ноздри дрогнули, втягивая воздух, словно он пытался учуять запах ампулы на таком расстоянии. Глаза, эти спокойные, усталые глаза клерка, внезапно вспыхнули огнем. Но это не был огонь жадности или наркотического вожделения. Это было пламя жадного, почти религиозного благоговения. Так смотрит верующий на святыню, которую он искал всю жизнь и наконец обрел. Губы Анджея беззвучно зашевелились, словно он читал молитву. Марк почувствовал, как мороз пробежал по коже, несмотря на теплую толстовку и бронежилет. Он сделал шаг вперед, выходя из круга света.

— Стоять, — холодно произнес Марк, и его правая рука молниеносно легла на рукоять пистолета, спрятанного под толстовкой. Он не выхватил оружие, но дал понять, что готов это сделать в любой момент. — Дальше без резких движений. Ты знаешь протокол. Медленно достаешь инъектор.

Ритуал был стандартным, отточенным до мелочей, как хирургическая операция. Марк никогда не передавал ампулу в руки клиенту. Это было железное правило, выработанное после одного инцидента два года назад, когда клиент, получив ампулу, попытался сбежать, не заплатив. Марк тогда догнал его, но с тех пор предпочитал держать ситуацию под контролем на всех этапах. Он сам заправлял ампулу в пневматический инъектор клиента — устройство, похожее на толстую дорожную авторучку, изготовленное из титана и углепластика. Одним нажатием кнопки инъектор впрыскивал содержимое ампулы через микроскопическую иглу прямо в сонную артерию, обеспечивая практически мгновенное попадание вещества в мозг. Это гарантировало, что клиент не сбежит с товаром, не попытается напасть с ампулой в руке и не разольет драгоценную жидкость. Кроме того, это позволяло Марку контролировать дозировку. Теоретически.

Анджей послушно, без малейшего колебания, достал из внутреннего кармана пальто инъектор. Это была новая, дорогая модель, которую Марк видел только в каталогах закрытых поставщиков медицинского оборудования для спецслужб. Гладкий, матово-черный корпус, эргономичная рукоять, цифровой дисплей, показывающий статус устройства. Анджей протянул его Марку, держа за корпус, чтобы тот мог взять его, не касаясь руки клиента. Правила есть правила.

Марк взял инъектор. Пальцы у Анджея были ледяными. Не просто холодными, как у человека, долго простоявшего на морозе, а ледяными, как у трупа. Это мимолетное прикосновение, почти случайное, послало новый импульс тревоги в его мозг. Он попытался отмахнуться от этого ощущения, списав его на сырость и холод заброшенного цеха, но где-то глубоко внутри уже понимал: что-то идет не так. Что-то очень, очень неправильное происходит прямо сейчас, и он, как последний дурак, продолжает участвовать в этом спектакле, потому что жадность и профессионализм ослепили его, заткнули рот инстинкту самосохранения.

Быстро, отработанными до автоматизма движениями, он вскрыл стерильную упаковку приемника инъектора. Внутри пахло озоном и тем же металлическим запахом, который стоял в его квартире. Он вставил сапфировую ампулу в приемник и зафиксировал ее до характерного щелчка, означающего, что игла проткнула защитную мембрану и готова к инъекции. Из носика инъектора показалась микроскопическая капля жидкости, черной бусиной застыв на кончике иглы. В свете лампы она казалась не каплей, а крошечной черной дырой, втягивающей в себя весь окружающий свет. Анджей, как зачарованный, следил за каждым движением Марка, за каждым поворотом его пальцев. Его дыхание было ровным и спокойным, как у человека, погруженного в глубокую медитацию.

— Готово. Подходи, — скомандовал Марк, стараясь, чтобы голос звучал как можно более буднично. — Руки держим на виду, медленно и плавно.

Анджей приблизился. Он двигался странно, слишком плавно, словно скользил по льду, а не шел по засыпанному мусором бетонному полу. Теперь они стояли почти вплотную, разделенные только инъектором в вытянутой руке Марка. Запах от Анджея тоже был странный. Не пота, не страха, не адреналина, как ожидал Марк от человека, стоящего на пороге получения дозы. От него пахло озоном, как после сильной грозы, когда воздух чист и свеж, но электрически заряжен. И под этим запахом скрывался другой, более глубокий и древний аромат, который Марк не мог идентифицировать, как ни старался. Это не был запах человека. Это не был запах животного. Это был запах чего-то, что существовало за пределами его понимания биологии.

— Ты знаешь правила, — начал Марк, произнося стандартную фразу, которую он говорил каждому клиенту. — Я ввожу дозу. Если через две минуты ты не корчишься в анафилактическом шоке, мы расходимся. Если корчишься — я звоню в скорую и ухожу. Ты сам выбрал такой расклад.

Это была ложь, конечно. Скорую он не вызывал никогда. Если клиент умирал, его тело оставалось гнить там, где его настигла смерть, становясь кормом для крыс и насекомых. Или, в редких случаях, если смерть грозила привлечь внимание властей, Марк избавлялся от трупа более радикальными методами, используя химикаты, которые всегда были при нем. Но клиентам было спокойнее верить в сказку о скорой помощи. Это облегчало сделку, делало ее чуть менее грязной в их глазах.

— Я знаю правила, Гемоглобин, — выдохнул Анджей, и его губы тронула странная, асимметричная ухмылка. Она не была насмешливой или злой. Скорее, она была полна горькой иронии, словно Анджей знал некую шутку, недоступную пониманию Марка. — Лучше твоих.

Это было последнее, что он сказал. Марк, подавив вспышку раздражения от этого двусмысленного заявления, отбросил все сомнения и действовал как профессионал. Он приставил носик инъектора к шее клиента, нащупав пульсирующую жилку под бледной, почти прозрачной кожей. Пульс был ровным и спокойным. Никакого учащенного сердцебиения, никакого выброса адреналина, никакой тахикардии. Анджей был спокоен, как камень. Марк нажал на спусковую кнопку. Пневматический механизм сработал с тихим, деликатным шипением, словно где-то вдалеке открыли бутылку дорогого шампанского. Игла проникла в артерию, и черно-рубиновая жидкость, полная золотых искр, мгновенно исчезла в кровотоке клиента. Анджей даже не вздрогнул. Он закрыл глаза, и на его лице появилось выражение блаженства, почти экстаза. Так мог бы выглядеть человек, который после долгих лет скитаний по пустыне наконец сделал первый глоток воды.

А потом начался ад. Только это был ад не для Анджея, а для Марка.

Первым симптомом приема V-крови всегда была дрожь. Мелкая, как озноб, пробегающая по телу волна, которая предшествовала погружению в состояние эйфории и всемогущества. Марк уже развернулся, собираясь уходить, унося в рюкзаке свой двойной гонорар, когда услышал сзади не дрожь, а глухой, утробный звук, похожий на стон раненого зверя. Звук был низким, вибрирующим, он шел не из горла, а словно из самой глубины грудной клетки, резонируя с бетонными стенами цеха. Марк обернулся, и его сердце пропустило удар.

Анджей стоял на месте, но его тело выгнулось дугой, как будто сквозь него пропустили электрический разряд высокого напряжения. Позвоночник изогнулся под неестественным, невозможным для человека углом. Глаза были широко распахнуты, и в них больше не было ни спокойствия, ни благоговения, ни блаженства. Там плескался первобытный, животный ужас, смешанный с невыносимой агонией. Зрачки пульсировали, расширяясь и сужаясь в бешеном ритме, несогласованном с биением сердца. Они то становились огромными, черными, поглощающими всю радужку, то сжимались в крошечные точки, как у наркомана под лед.

— Твою мать, — выдохнул Марк, отступая на шаг. Он многое видел за годы своей работы. Видел плохие реакции на V-кровь — анафилактический шок, отказ органов, психотические эпизоды. Видел судороги, пену изо рта, остановку сердца, кровоизлияние в мозг. Но это было другое. Совершенно другое. Это не походило ни на один известный ему сценарий. Его разум, натренированный на анализ и диагностику, судорожно пытался классифицировать происходящее, подобрать знакомый шаблон, но не находил ничего подходящего.

Кожа Анджея начала меняться. Обычно после приема V-крови кожа бледнела, приобретая аристократическую, фарфоровую белизну, которая так нравилась клиентам. Но кожа Анджея не бледнела. Она стремительно темнела, приобретая серый, пепельный оттенок, как у мумифицированного трупа, пролежавшего в саркофаге тысячи лет. Она истончалась, становилась прозрачной, как пергамент, сквозь который просвечивали внутренние структуры. Но самым страшным было не это. Самым страшным было то, что происходило с его венами.

По венам Анджея, вздувшимся на шее, лице и руках черными, извивающимися жгутами, потек огонь. Это были те самые золотистые искры из ампулы, но теперь их были тысячи, миллионы, и они, словно жидкое пламя, пожирали его изнутри, просвечивая сквозь истончающуюся, почти прозрачную кожу. Марк видел, как они пульсируют, движутся, перетекают от сердца к конечностям, оставляя за собой сеть черных, обугленных капилляров. Это было похоже на то, как если бы кровеносная система человека превратилась в электрическую цепь, через которую пропустили напряжение в миллион вольт. Вены вспыхивали и гасли, пульсируя в каком-то жутком, нечеловеческом ритме. От тела Анджея начало исходить тепло. Не обычное тепло живого организма, а сухой, обжигающий жар, как от печи. Марк чувствовал его лицом даже на расстоянии нескольких метров.

Анджей открыл рот, чтобы закричать, но крика не было. Вместо звука из его горла вырвался столб пара, как будто внутри него кипела вода, и сухой, скрежещущий хрип, похожий на звук разрываемой ткани. Этот хрип эхом разнесся под сводами цеха, многократно усиленный акустикой пустого помещения. От тела повеяло невыносимым жаром, смешанным с запахом озона и горящей плоти. Марк почувствовал, как жжет лицо, и инстинктивно попятился еще дальше, прикрывая глаза рукой. Инстинкт самосохранения орал ему в уши на одной ноте, непрерывно, как сирена, требуя немедленно бежать, спастись, уносить ноги из этого проклятого места. Но какая-то часть его, та, что была холодным, бесстрастным исследователем, требовала зафиксировать, запомнить, понять, что пошло не так. Он был свидетелем чего-то невероятного, чего-то, что не должно было происходить согласно всем известным законам. И эта часть его, жадная до знаний, пересиливала страх. Пока пересиливала.

Конвульсии Анджея стали хаотичными, нечеловеческими. Он рухнул на бетонный пол, и его тело забилося в такой агонии, какой Марк не видел никогда в жизни. Он бился об пол с силой, превосходящей человеческие возможности, так, что во все стороны полетели осколки

бетонной крошки, острые как бритва, рассекая ему лицо, руки, грудь. Одежда на нем начала дымиться, а затем и тлеть, как от близости к открытому огню. Но из ран, которые должны были бы обильно кровоточить, не текла кровь. Из них сочился тот же самый золотистый свет, та же самая «искра», как будто кровь Анджея была уже полностью замещена этой субстанцией, превратившись из биологической жидкости в нечто иное, в жидкий свет, в плазму.

Марк стоял, замороженный и парализованный этим зрелищем, как кролик перед удавом. Его мозг, его тренированный, аналитический мозг ученого, отказывался обрабатывать поступающую информацию. Происходящее нарушало все законы, которые он знал. Это была не смерть. Это была не реакция отторжения. Это была трансформация. Полная, тотальная биологическая перестройка организма, происходящая в реальном времени, с выделением огромного количества энергии.

Внезапно агония прекратилась. Так же резко, как началась, словно кто-то щелкнул выключателем. Анджей замер, распластавшись на полу в неестественной, изломанной позе, как сломанная кукла, брошенная ребенком. Тишина, наступившая после грохота его судорог, была оглушительной, почти физически ощутимой. Она давила на барабанные перепонки, звенела в ушах. Слышно было только, как где-то в дальнем конце цеха капает вода из прохудившейся трубы, да как потрескивают остывающие химикаты в старых чанах. Марк стоял, не в силах пошевелиться, тяжело дыша, и смотрел на тело. Он ждал. Чего он ждал? Того, что оно встанет? Того, что начнется стандартный процесс разложения? Того, что все это окажется галлюцинацией, вызванной стрессом и недосыпом? Но тело просто лежало, и тишина была единственным ответом на его невысказанные вопросы.

И тут он увидел это. Грудная клетка Анджея, в том месте, где за грудиной должно было располагаться сердце, начала светиться. Сначала это было легкое, едва заметное мерцание, как тлеющий уголек, забытый в камине на ночь. Но затем свечение начало усиливаться, разгораясь все ярче и ярче. Оно становилось золотым, ослепительным, чистым светом, который, казалось, имел физический вес, давил на глаза, заставлял шуриться. Свет этот был настолько интенсивным, что делал плоть Анджея призрачно-прозрачной, как на негативе рентгеновского снимка. Марк видел, как в этом неземном сиянии проступают очертания костей — более темные, чем окружающие ткани, сухожилия, внутренние органы. И в центре этой жуткой картины пульсировало нечто, что больше не было похоже на человеческое сердце. Это был ступок чистой энергии, золотой шар, испускающий лучи, которые пронизывали тело насквозь, достигая поверхности кожи.

Марк невольно вскинул руку, защищая глаза от этого слепящего света, который отбрасывал резкие, пляшущие тени от его собственной фигуры на бетонные стены. Свет пульсировал все быстрее и быстрее, входя в резонанс с какой-то частотой, от которой начинал зудеть череп изнутри и вибрировать зубы, словно весь мир превратился в гигантский камертон. Запах озона стал невыносимым, перекрывая все остальные запахи — запах плесени, старой кожи, даже запах собственного страха Марка. Воздух стал электрическим, волосы на руках встали дыбом, а от металлических конструкций цеха начали проскакивать крошечные искры статического электричества.

А потом свечение погасло. Так же мгновенно, как и появилось, погружая цех обратно в монохромный свет одинокой газоразрядной лампы. Контраст был настолько резким, что перед глазами Марка заплясали цветные пятна. Он медленно, осторожно опустил руку, все еще ожидая какого-то подвоха, и увидел, что тело Анджея изменилось. Оно больше не было серым и

мумифицированным. Оно стало белым, как алебастр, и гладким, лишенным всех тех мелких морщин, пор и изъянов, которые были на лице и теле клерка еще несколько минут назад. Кожа светилась ровным, внутренним светом, как лунный камень. Черты лица заострились, приобретая хищную, аристократическую утонченность, словно над ним поработал гениальный скульптор, убравший все лишнее, оставив только совершенную, холодную красоту. Губы, прежде тонкие и бескровные, налились темным, почти черным цветом, как спелые ягоды белладонны. Это не было лицо человека. И это не было лицо мертвеца. Это было лицо существа, находящегося за пределами привычной бинарной оппозиции жизни и смерти.

Веки Анджея дрогнули.

В этот самый момент, когда тонкая пленка век затрепетала над черными провалами глаз, все профессиональное спокойствие Марка, весь его цинизм, вся его выдержка, которую он культивировал годами, рухнули, как картонный домик под порывом урагана. Он понял. Понял на каком-то животном, досознательном уровне, который не требовал рационального осмысления. Это была не смертельная доза. Это была не аллергическая реакция. Это была не передозировка. Это была трансмутация. Превращение. Чертова субстанция в сапфировой ампуле, которую он носил в своем кармане и продавал как изысканное развлечение для богатых бездельников, не была наркотиком. Или, точнее, она была не только наркотиком. Она была катализатором. Ключом, открывающим дверь, за которой человеческое существо переставало быть человеком. И он, Марк, своими собственными руками только что ввел эту субстанцию человеку, который знал, что с ним произойдет. Человеку, который не боялся, не сомневался, который хотел этого больше всего на свете. Нет, не человеку. Тому, кто хотел перестать им быть и тщательно, методично, как хороший бухгалтер, подготовил этот переход.

Анджей открыл глаза.

Они были совершенно черными. Не темно-карими, не цвета горького шоколада, не расширенными на весь зрачок, а абсолютно, бесконечно черными. Два провала в пустоту, в которых не отражался свет лампы. В этих глазах не было белков, не было радужки, не было влажного блеска, присущего живому глазу. Это были окна в ничто, в межзвездное пространство, в сингулярность, где переставали действовать привычные законы. Но в самой глубине этих провалов, как далекие звезды в безлунную ночь, еще плясали, медленно угасая, золотые искры. Он посмотрел на Марка. Не сквозь него, как смотрели некоторые клиенты под воздействием других, менее экзотических веществ, а прямо в него, в саму его суть. Марк физически ощутил этот взгляд как прикосновение ледяных пальцев к обнаженному, трепещущему мозгу. Это было нарушением всех мыслимых границ, вторжением в самое интимное пространство личности. Марк почувствовал себя голым, прозрачным, читаемым, как открытая книга на незнакомом языке, которую, тем не менее, кто-то читает с пугающей легкостью. Это был взгляд существа, только что перешагнувшего порог, за которым заканчивается человеческая мораль, человеческая уязвимость и начинается голая, хищная воля к существованию.

Новообращенный вампир медленно, плавно, как в замедленной съемке или под водой, сел. Его движения были лишены инерции, свойственной людям и животным. Он не опирался на руки, не напрягал мышцы пресса и спины, не преодолевал силу тяжести. Он просто перетек из горизонтального положения в вертикальное, игнорируя гравитацию, как если бы его тело было не твердым объектом, а жидкостью или газом, меняющим форму по своей прихоти. Марк попятился, его рука дернулась к пистолету, но пальцы, онемевшие от ужаса, не слушались, став чужими, неуклюжими протезами. Анджеем, или то, что им стало, медленно, с той же

нечеловеческой плавностью, повернуло голову, разглядывая фабрику, лунный свет, застывшие чаны с химикатами, а затем снова уставилось на Марка. Его черные, безгубые губы растянулись в улыбке, обнажая ряды не удлинившихся клыков, как ожидал Марк по фильмам ужасов, а обычных, человеческих зубов. Слегка желтоватых, неровных, с плохо пролеченным кариесом на одном из моляров. Именно это обыденное, человеческое в нечеловеческом лице было самой страшной деталью. Оно говорило о том, что монстры не всегда выглядят как монстры, что они могут носить лица ваших соседей, ваших коллег, ваших случайных клиентов.

Он заговорил. Голос его не изменился — такой же тихий и шелестящий, бухгалтерский голос, но теперь он нес в себе странный, множественный обертон, как если бы говорили не одни голосовые связки, а сама грудная клетка резонировала в такт словам, добавляя к каждому звуку эхо из других, параллельных измерений.

— Спасибо, Гемоглобин. Ты свою часть сделки выполнил. Безупречно. Я не забуду этой услуги.

Он говорил медленно, смакуя слова, словно пробуя их на вкус в своем новом состоянии. Паузы между предложениями были чуть длиннее, чем обычно, как будто он привыкал к тому, как звучит его собственный голос.

— Деньги можешь оставить себе. Это твоя плата. Не за товар. За то, что был свидетелем. За то, что видел то, что не дано увидеть простым смертным.

Он встал. Ростом он казался выше, чем раньше, но Марк понимал, что это, скорее всего, иллюзия, вызванная страхом и тем, как изменилась осанка существа. Анджей-не-Анджей сделал шаг к нему — один-единственный, скользящий шаг, который, казалось, вообще не требовал участия мышц. Марк, наконец, справился с кобурой и выхватил пистолет. В замкнутом пространстве цеха лязг затвора, досылающего патрон в патронник, прозвучал как гром. Этот звук принес ему мгновенное, иллюзорное чувство контроля, напомнив о том, что он не просто жертва, что у него есть оружие, что он может защищаться.

— Стоять! Я вышибу тебе мозги! — голос Марка сорвался на фальцет, предательски дрогнув на последнем слове. Он сам не верил в то, что говорил. Он знал, что серебряных пуль у него нет. Он знал, что обычные пули, скорее всего, бесполезны против существа, которое только что пережило то, что пережил Анджей. Но ему нужно было сделать хоть что-то, сказать хоть что-то, чтобы не раствориться в этом парализующем ужасе.

Существо остановилось. Не из страха перед пистолетом — это было очевидно по его позе, по его улыбке, по тому, как расслабленно висели его руки вдоль тела. Оно остановилось из любопытства. Из того же холодного, исследовательского любопытства, с которым энтомолог разглядывает редкое насекомое, прежде чем наколоть его на булавку. Анджей склонил голову набок, как птица, изучающая интересный объект. Улыбка стала шире, обнажив десны — бледные, почти белые, без единого кровеносного сосуда.

— Ты не понимаешь своей роли, Марк, — он впервые назвал его по имени, и от этого Марку стало еще страшнее. — Ты думаешь, что ты перекуп. Ты думаешь, что ты посредник между вампирами и людьми. Но это не так. Ты — глашатай. Ты — тот, кто разнесет весть.

Он снова сделал паузу, и в этой паузе Марк услышал, как где-то в дальнем конце цеха, потревоженная шумом, пискнула крыса. Обычный, нормальный звук в мире, который только что перестал быть нормальным.

— Я не убью тебя, — продолжил Анджей. — Ты вернешься домой, пересчитаешь деньги, выпьешь свой обычный стакан виски, чтобы унять дрожь в руках. Ты примешь душ, попытаешься уснуть. И не сможешь. Потому что будешь гадать, кто я теперь. Зачем мне это было нужно. Был ли я человеком, который хотел стать вампиром, или я был вампиром, который почему-то стал человеком и захотел вернуться. Тебе будут сниться кошмары, в которых мои глаза смотрят на тебя из темноты. Ты будешь прокручивать в голове каждую деталь нашей встречи, пытаясь понять, что ты упустил. А потом ты расскажешь своим хозяевам. Тем, кто поставляет тебе эти ампулы. Ты расскажешь им, что их маленький кровавый бизнес — не более чем игрушка, песочница, в которой они копаются, пока настоящие игроки готовят партию. Настоящая война только начинается, Гемоглобин. И ты только что продал билет на нее.

Он замолчал, и тишина, наступившая после его слов, была хуже любого крика. Марк стоял с пистолетом в вытянутой руке, целясь в центр этой алебастровой маски, бывшей когда-то лицом бухгалтера Анджея. Рука дрожала. Пот заливал глаза. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

— А теперь уходи, — сказал Анджей почти ласково, как говорят с напуганным ребенком. — У тебя есть фора, пока я решаю, не слишком ли громко урчит в моем новом желудке. Честно говоря, урчит довольно сильно. Так что не испытывай мою волю.

Последняя фраза, произнесенная этим обыденным, бухгалтерским голосом, этим шелестящим, спокойным тембром, сломала остатки самообладания Марка. Он выстрелил. Не целясь, не думая, просто нажал на спусковой крючок, повинаясь паническому импульсу. Грохот выстрела расколол тишину цеха, многократно отразившись от стен. Пуля с визгом ушла в потолок, выбив фонтан кирпичной крошки и ржавой пыли, которая медленно осела в свете лампы. Он не попал бы, даже если бы захотел — рука ходила ходуном, а ствол плясал в воздухе, выписывая замысловатые траектории.

Не дожидаясь реакции, не глядя, попал он или нет, Марк развернулся и побежал. Побежал так, как не бегал никогда в жизни. Спотыкаясь о куски арматуры, торчащие из бетонного пола, скользя по осколкам стекла, не разбирая дороги. Он бежал, ведомый только животным инстинктом — бежать как можно дальше от этого места, от этого существа, от этих черных глаз, в глубине которых еще плясали золотые искры. Он бежал, и его сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот разорвется. Легкие горели огнем, в боку закололо, но он не останавливался. Сзади не было слышно погони. Никто не летел за ним по воздуху, никто не преграждал путь, никто не хватал его за плечо ледяной рукой. Только тихий, шелестящий смех, который, казалось, раздавался не снаружи, не в акустике цеха, а внутри его собственной головы, прямо в мозгу, провожал его, пока он не выскочил через разбитое окно на улицу, в спасительную, грязную, человеческую ночь.

Он бежал до машины, не чувствуя ног, не замечая, как острые края оконной рамы царапали ему плечо. «БМВ» стояла там, где он ее оставил, в тени ржавого погрузчика. Он ввалился в салон, захлопнул дверь, заблокировал все замки и замер, прислушиваясь к тишине. Вокруг была обычная, ничем не примечательная ночь. Где-то вдалеке лаяла собака, шумел ветер в кронах деревьев, гудела линия электропередач. Обычные, нормальные, человеческие

звуки. Никаких шелестящих голосов, никакого смеха в голове. Только тишина и его собственное сбившееся дыхание.

Он завел мотор, и только когда фабрика скрылась за поворотом, позволил себе остановиться на обочине и выдохнуть. Его трясло, как в лихорадке. Зубы стучали, пальцы, вцепившиеся в руль, побелели от напряжения. Деньги, лежащие в рюкзаке на соседнем сиденье, больше не грели. Они казались грязными, мечеными, проклятыми. Он только что продал кому-то не дозу удовольствия. Он продал билет на войну, о существовании которой даже не подозревал. И его только что назвали свидетелем. Глашатаем. Тем, кто разнесет весть. Плата за эту роль, судя по тому, что он видел в цеху, могла быть только одна. И она явно не измерялась в пачках евро, какими бы толстыми они ни были.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.